

ЧЕРНОВИК ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

ЛЮБОВЬ КОТОРАЯ
ДЕРЖИТСЯ ЗА РУКУ
КОГДА ВСЁ РУШИТСЯ

ИРИНА ЕРМОЛОВА

18+

Ирина Ермолова

Черновик длиною в жизнь

<https://litres.ru/74577927>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сентябрь 1965-го. Первый поцелуй у ржавого турника за сельской школой — и обещание: всегда.

Но летом Лена уезжает из села. Чужой город, свадьба без любви, двое детей — двойняшки, мальчик и девочка, — и молчание длиной в двенадцать лет. Молчание, которое хуже лжи. Артём остаётся: с больной матерью, мастерской и знанием, что она вернётся. Он не ждал, как на остановке, — он жил и знал. Так знаешь, что солнце встанет утром.

И она вернулась. Дважды.

«Черновик длиною в жизнь» — история одной семьи на шестьдесят лет: от первого поцелуя до записки в шкатулке, где медвежонок с пуговичными глазами помнит всё. Здесь любят без громких слов: пирогами по воскресеньям, баней по субботам, табличкой в мастерской — «Проверяй всё дважды».

Роман о том, что дом — это не адрес. Это люди, которые держат тебя за руку, когда жизнь проверяет на прочность.

Для тех, кто любит тёплые истории о любви, которая выдерживает годы и разлуку. Для тех, кто верит: вторая попытка — не повторение, а награда.

Содержание

Глава 1. Школьная любовь	4
Расстояние	9
Лена поехала одна	11
Сергей	13
Близнецы	16
Измены	19
Возвращение	21
Второй шанс, которого не было	24
Годы	27
Школьные будни близнецов	29
Сходство	32
Цена молчания	34
Скандал	37
Первое возвращение домой	39
Тишина	41
Чужая свадьба	42
Он пришёл	44
Золотой вечер	45
Наталья Сергеевна и Виктор Иванович	48
Разговор с Викой	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Черновик длиною в жизнь

Глава 1. Школьная любовь

В маленьком селе на юге Ростовской области, где летом пыль поднималась столбами от проезжающих машин, а зимой ветер с прерий пробирал до костей, жили двое — Лена и Артём. Они учились в одном классе, в одной школе, что стояла на краю села, у самого поля. Школа была старая, двухэтажная, с облупившейся штукатуркой и турником во дворе, который проржавел так, что никто не решался на нём заниматься. Сидели за одной партой с пятого класса, и никто в те годы не видел в этом ничего особенного — мало ли кто с кем сидит. Но к седьмому классу Артём стал замечать, что когда Лена наклонялась над тетрадью и прядь светлых волос падала ей на лицо, у него перехватывало дыхание. А Лена замечала, что когда Артём смеялся — широко, открыто, с хрипотцой, — ей хотелось, чтобы он смеялся чаще.

Село называлось Песчанокопское. Стояло оно на ровной степи, окружённое полями подсолнечника и пшеницы, которые летом уходили за горизонт сплошным золотом. Улиц было пять: Луговая, Степная, Школьная, Садовая и Молодёжная, на которой дома были ещё новые, но уже трескались. Магазин один — сельмаг, где пахло хлебом и керосином. Клуб один — с облупленным фасадом и танцами по

субботам. Амбулатория одна — маленькая, с фельдшером и медсестрой. Школа одна — та самая, у поля. Всё в этом селе было одно, и оттого каждый человек был на виду, и каждый шаг был слышен.

Лена жила на Луговой, в небольшом доме с верандой, которую отец каждое лето красил в голубой, а мать — в белый, и потом они спорили, какой цвет правильный, и в итоге веранда была выкрашена наполовину. Мама, Наталья Сергеевна, работала медсестрой в амбулатории и знала про всё, что происходит в селе, раньше, чем оно случалось. Папа, Виктор Иванович, механизатор в местном колхозе, был человеком немногословным: говорил мало, делал много. Он любил дочь тихо, без обсуждений: починил велосипед, смастерил качели, принёс из города куклу. Лена это ценила и отца уважала, хотя он никогда не говорил «я тебя люблю» — просто был рядом.

Артём жил на Степной, через два дома от Лены. Мама, Галина Петровна, работала в том же колхозе бухгалтером. Она была женщиной тихой, болезненной — с детства с большими лёгкими, каждую осень и зиму кашляла так, что стены дрожали. Артём был у неё единственным ребёнком, поздним, и она держалась за него всей душой. Он к матери относился с такой же нежностью, и когда Галина Петровна подолгу болела, Артём пропускал школу, носил ей чай, ставил горчичники, читал вслух газеты. Лена это уважала в нём. Ей казалось, что человек, который так заботится о матери, не может быть

плохим.

Первый раз он поцеловал её за школой, у заброшенного спортгородка, где турник давно проржавел, а кольца валялись в бурьяне. Было начало сентября, в воздухе пахло созревшим подсолнухом и школьной столовой. Он поцеловал неумело: стукнулся зубами, покраснел до ушей, отпрянул. Она засмеялась, взяла его за руку и сказала:

— Давай ещё раз.

Он попробовал снова, и на этот раз вышло лучше.

Так началось. Им было по пятнадцать, и весь мир уместился в радиус трёх улиц: от её дома на Луговой до его на Степной, от школы до клуба, где по субботам крутили дискотеку. В клубе играл магнитофон, который иногда зажёвывал кассеты, и тогда все стояли в тишине, ждали, пока кто-нибудь подойдёт и вытащит ленту. На дискотеках Артём не умел танцевать — переминался с ноги на ногу, и Лена смеялась, брала его за руки и показывала:

— Вот так. Просто. Не думай.

Он учился, и постепенно стало получаться — не идеально, но с удовольствием.

Мама Лены, Наталья Сергеевна, отнеслась к отношениям дочери философски:

— Маленькие, влюбляются. Это ненадолго.

Папа только хмыкал и говорил:

— Только бы училась.

Мама Артёма, Галина Петровна, улыбалась и кашляла:

— Хорошая девочка, Ленка. Смотри, не обидь её.

Артём кивал — он и не собирался обижать.

После уроков они бегали на пруд — мелкий, заросший камышом, с тёплой водой у берега. Сидели на мостках, бросали камешки, болтали ногами в воде. Артём рассказывал про машины — он с детства любил всё, что крутится, ездит, гудит. Разбирал старый мопед соседа, собирал обратно, не всегда успешно. Лена слушала, не всё понимала, но любила, как он говорит — увлечённо, с руками, с глазами, которые горят. Она рассказывала ему про книги, которые читала, про героев, про то, как хочет увидеть мир. Он слушал и думал: «Вот бы поехать вместе. Вот бы увидеть всё это вместе».

К одиннадцатому классу они уже не просто встречались — они были парой, все знали. «Лена и Артём» произносилось как одно слово, так же естественно, как «утро» и «вечер». Одноклассники шутили, что они поженятся сразу после выпускного, и они не смеялись над этой шуткой, потому что оба в глубине души именно это и планировали.

Выпускной был в июне, в школе, с бумажными гирляндами и самоваром. Лена была в белом платье, которое мама шила три недели, и в туфлях на каблуке, в которых не могла ходить. Артём был в костюме, который был ему велик в плечах и короток в рукавах, и в ботинках, которые жали. Они танцевали медленный танец: он — неуклюжий, она смеялась, и всё было хорошо. После выпускного они сидели на мостках у пруда, смотрели на звёзды, и Артём сказал:

— Лен, я тебя люблю. Мы всегда будем вместе.
Она положила голову ему на плечо и ответила:
Всегда.

Расстояние

Весной последнего класса они вместе выбрали университет в Ростове-на-Дону. Лена подала документы на экономический, Артём — на инженерный, в тот же вуз. Планировали снять квартиру вдвоём, работать по вечерам, приезжать на каникулы домой. Будущее казалось прямым и светлым, как шоссе между селом и райцентром.

Но в июле, за месяц до отъезда, Галина Петровна слегла. Кашель, который раньше проходил за неделю, не проходил. В амбулатории пожали плечами, отправили в районную больницу, оттуда — в Ростов. Диагноз прозвучал как приговор: тяжёлое воспаление лёгких с осложнениями. Нельзя переезжать, нельзя нервничать, нужен постоянный уход. Возможно, что-то серьёзнее — тогда обследовались долго и бес толково, в маленьких больницах теряли время, и диагноз менялся трижды, и каждый раз был страшнее предыдущего.

Артём позвонил Лене поздно вечером. Голос был глухой, усталый. За окном кричал сверчок, в трубке потрескивало: — Я не поеду. Маму оставить нельзя. Ты поезжай сама. Я приеду, как только на ноги поставлю. Полгода — год — я приеду.

Лена плакала в трубку, уговаривала, спорила, злилась. Предлагала остаться вместе, учиться заочно, найти работу в селе. Но Артём был непреклонен — не из упрямства, а из

страха. Он боялся, что мать не переживёт зиму без него, что врачи что-то недоговаривают, что если он уедет — случится непоправимое.

— Поезжай, — повторял он. — Тебе надо учиться. Я тебя буду ждать. Мы справимся.

Они сидели каждый у себя на кухне, за километры друг от друга, и молчали в трубку, и в этом молчании было больше, чем в тысячах слов. Наконец Лена выговорила:

— Я не хочу без тебя.

Артём ответил тихо:

— Я тоже не хочу. Но маме хуже. Я не могу. Ты понимаешь?

Она понимала. И оттого было ещё больше.

Лена поехала одна

Автобус до райцентра, маршрутка до Ростова, чемодан, который мама набила так, будто дочь уезжала на войну: банки с вареньем, домашняя колбаса, вязанные носки, платок. Артём пришёл проводить её на остановку — ту самую, у клуба, где когда-то танцевали под зажёванные кассеты. Молча обнял, сунул ей в карман маленького медвежонка — из тех, что продаются в сельмаге за сто рублей. мех был жёсткий, глазки пуговичные, но Артём сказал:

— Чтобы не скучала.

И отвернулся. Лена видела в окно маршрутки, как он стоит один на пыльной остановке, руки в карманах, и не уходит, пока автобус не скрылся за поворотом. И тогда она заплакала — тихо, в платок, который дала мама.

Первые недели в Ростове были адом. Общежитие, восемь человек в комнате, запах варёной капусты и дезодоранта, чужие голоса, чужой ритм. Соседки — из разных городов, с разными привычками: одна храпела, другая чесалась, третья разговаривала во сне. Лена лежала на узкой кровати, смотрела в потолок и думала: «Где-то там Артём. Далеко. И я далеко. И между нами — километры полей, дорог, остановок».

Она звонила Артёму каждый вечер, но связь в селе была плохая, разговоры обрывались на полусловах. Он рассказывал, что маме чуть лучше, что он устроился на стройку по-

дённо, что скучает. Она рассказывала, что лекции скучные, что преподаватели строгие, что в столовой ничего вкусного нет. Они старались говорить о будущем — как будто если часто повторять, оно приблизится.

Но расстояние — штука коварная. Оно не сразу, а по чуть-чуть размывает связи, как вода размывает глинистый берег. Сначала звонки стали короче, потом реже. Сначала «люблю» в конце каждого разговора, потом — «пока, береги себя». Лена находила себе дела: учёбу, подработку в кафе, новые знакомства. Артём был привязан к дому, к больнице, к рутине, в которой не было ничего нового. Их миры расходились, как два поезда, которые когда-то шли параллельно, а потом один свернул на другой путь.

Сергей

Сергей появился в её жизни в ноябре, на студенческом капустнике. Высокий, черноволосый, с лицом, которое сразу запоминается: резкие скулы, тёмные глаза, чуть насмешливая улыбка. Он учился на старшем курсе того же факультета, был старостой курса, отличником и душой компании. Девчонки в общежитии шептались, что Сергей — завидный жених, но он ни с кем не встречался, что только подогревало интерес.

Лена не сразу заметила его. Она держалась в стороне от общих праздников, звонила Артёму, скучала, ждала писем. Но Сергей заметил её — на лекции, в коридоре, в столовой. Подсаживался, заводил разговор, шутил. Он был на четыре года старше и чувствовал себя уверенно, как человек, который уже знает, чего хочет. А хотел он, по его словам, Лену.

Первое время она отшучивалась:

— У меня есть парень. Мы с детства вместе.

Сергей не отступал, но и не давил. Просто был рядом. Проводил до общежития, приносил кофе, помогал с курсовой. Когда Лена простудилась, принёс лекарства, фрукты, сидел рядом, пока она не уснула. Он был внимательный, надёжный, безопасный. Всё, чего Артём не мог дать на расстоянии, Сергей давал рядом: присутствие, заботу, ощущение, что ты не одна.

Они начали встречаться в феврале. Лена не планировала этого, не решала, не выбирала — это просто случилось, как случается дождь, когда небо затянуло тучами. Она перестала звонить Артёму каждый день. Потом раз в неделю. Потом раз в две недели. Голос Артёма в трубке становился тише, вопросительнее.

— Лен, всё нормально?

— Да, нормально. Просто учёба, много работы.

Она не лгала — она молчала, что ещё хуже.

В апреле Сергей сделал предложение. Не романтично, без ресторана и кольца — просто пришёл к ней в общежитие, сел на кровать, взял за руку и сказал:

— Выходи за меня. Я тебя люблю. Мы будем жить нормально. Я квартиру снял, начинаю работать. Я серьёзный.

Лена молчала минуту, две, три. В голове крутились мысли — об Артёме, о медвежонке в кармане, о пыльной остановке в селе. Но перед ней сидел человек, который был рядом, который был реальным, осязаемым, настоящим. А Артём был далеко, в другой жизни, и когда приедет — неизвестно.

Она сказала «да».

Артёму она ничего не сказала. Не нашла сил, не нашла слов, побоялась. Каждый раз набирала номер — и сбрасывала. Писала сообщение — и стирала. Хотела рассказать всё как есть, но думала: вот сейчас обидится, потом поймёт, потом простит. А потом было поздно — она уже была замужем, и каждое молчание было кирпичом в стене между ними.

Они поженились тихо, в загсе, вдвоём, без гостей. Сергей поцеловал её — уверенно, привычно, как человек, который получил то, чего хотел. Лена улыбалась, но внутри что-то ныло — тихо, тупо, как болит зуб, к которому боишься прикоснуться языком.

С Артёмом она продолжала переписываться. Редко, коротко, нейтрально: «как дела», «всё хорошо», «мама как», «лучше, спасибо». Он не знал, что она замужем. Она не знала, как сказать. И каждый день молчание становилось всё тяжелее, и каждый день сказать было всё невозможнее.

Близнецы

Беременность стала сюрпризом. Они с Сергеем не планировали ребёнка — во всяком случае, Лена не планировала. Но Сергей был рад безмерно. Ходил по квартире, потирая руки, говорил:

— Сын будет. Точно сын. Будет футболистом, как я в детстве мечтал.

На УЗИ сказали: близнецы. Сергей онемел, потом расхохотался, потом обнял Лену так крепко, что она попросила отпустить:

— Двое! Двоих родим! Мальчик и девочка — я чувствую, я знаю!

Он не угадал по полу, но угадал по сути — родились мальчик и девочка.

Роды были тяжёлые. Двойня — это всегда двойная нагрузка. Лена лежала в роддоме неделю, Сергей приходил каждый день, приносил цветы — зачем-то, ей-то было всё равно, — и торопил:

— Когда домой? Я всё купил. Две кровати. Два комбинезона. Всё розовое и голубое.

Он был счастлив по-настоящему, по-детски, и эта радость была единственным, что удерживало Лену в те дни на плаву.

Мальчика назвали Максим, девочку — Алиса. Маленькие, сморщенные, пищащие, они были похожи друг на дру-

га, как две капли, и не похожи ни на кого. Лена вскармливала их, укачивала, вставала по ночам, а Сергей работал — много, тяжело, по выходным. Потом начались командировки, «проекты», «сделки». Он уходил утром, возвращался ночью, иногда не возвращался вовсе:

— Переночую у коллеги. Поздно уже, не буди тебя.

Она не спрашивала, верила. Или делала вид, что верит.

Первый год с близнецами был как колесо у белки. Лена не спала, не ела нормально, не выходила из дома. Максим кричал днём, Алиса — ночью, и когда они оба засыпали одновременно, Лена садилась на кухне и плакала — от усталости, от одиночества, от тоски по дому, по маме, по Артёму. Медвежонок лежал в ящике комода — она не доставала его, не смотрела на него, но знала, что он там. Знала — и боялась.

С Артёмом она переписывалась всё реже, иногда раз в месяц:

— Как ты?

— Нормально. Мама моя болеет опять. Работаю на ферме. Скучаю.

— Держись.

— И ты держись.

Она не рассказывала про детей, про мужа, про свою новую жизнь. Ей казалось, что если она расскажет, то что-то разрушится окончательно — не отношения (какие уж там отношения), а память о них, о том, как было хорошо. И эта память была ей нужна, как зимнему человеку тёплый свитер, кото-

рый лежит в шкафу: он его не надевает, но знает, что он есть.

Измены

Первая измена обнаружилась случайно. Лена стирала куртку Сергея, проверила карманы — и нашла записку. Ровный, аккуратный женский почерк: «Серёжа, вчера было прекрасно. Жду. Целую. Оксана». Маленький клочок бумаги, а развернулся целый мир.

Лена стояла в ванной, держала эту записку мокрыми руками, и вода стекала по бумаге, размывая чернила. Она не плакала. Она была слишком ошарашена, чтобы плакать. Потом аккуратно положила записку на полку, закончила стирку, накормила детей, уложила спать. Сергею ничего не сказала.

Вторую и третью не нужно было искать — они лежали на поверхности. Запах чужих духов, который не выветривался за ночь. Телефон, который он уносил с собой даже в ванную. Опоздания, отговорки, пустые глаза, когда он смотрел на неё и не видел. Лена видела всё, но молчала. Терпела, потому что были дети. Терпела, потому что мама говорила:

— Терпи, все так живут. Мужики гуляют, это не повод семью ломать.

Терпела, потому что боялась остаться одна с двумя детьми в чужом городе, без работы, без своего угла.

Терпела три года.

За эти три года Лена изменилась. Она стала тише, замкну-

тее, научилась не ждать хорошего, а удивляться ему. Сергей приезжал, улыбался, приносил игрушки детям — и она думала: «Может, наладится. Может, это было. Может, он понял». Но через неделю — снова задержки, снова отговорки, снова запах, от которого её тошнило. Дети росли, не замечали. Максим был маленький, сосредоточенный, любил собирать кубики. Алиса была живая, быстрая, везде успевала. Лена смотрела на них и думала: «Ради вас. Только ради вас».

В какой-то момент — после очередной командировки, после которой Сергей вернулся с засосом на шее и рассказом про «упал, ударился о шкафчик в спортзале», — она не выдержала. Собрала вещи за два часа, пока он был на работе. Дети плакали, не понимали. Максим цеплялся за ногу:

— Мама, куда мы? Мама, почему?

Алиса молчала, сидела на чемодане, сосала палец. Лена не отвечала, только целовала их и говорила:

— Всё хорошо, всё хорошо, поедem к бабушке.

Она поехала домой. В село, к родителям. С двумя детьми, двумя чемоданами и разбитым сердцем.

Возвращение

Родительский дом встретил её тёплым хлебом и тишиной. Наталья Сергеевна не спрашивала — видела всё по лицу дочери. Виктор Иванович хмуро поглядывал из-за газеты, потом сказал единственное:

— Ну, слава Богу, дома. Отдохнёшь — решишь.

Дети носились по двору, радовались курам и коту, который не знал, куда спрятаться от их нежностей. Мир немного восстановился.

Лена сидела на крыльце вечерами, смотрела на звёзды и думала об Артёме. О том, как они целовались за ржавым турником. О медвежонке. О пыльной остановке. О том, что ни один человек с тех пор не смотрел на неё так, как он. Сергей смотрел с собственничеством, с удовольствием, иногда с раздражением — но не с той тихой, обжигающей нежностью, которая была у Артёма.

Она нашла его номер в старой записной книжке. Номер был тот же — в селе люди не меняют номера. Позвонила вечером, когда дети уснули. Голос Артёма был осторожный, как у человека, который долго ждал звонка и боится спугнуть:

— Лен? Ты где?

— Я дома, Артём. Я приехала. Можешь прийти?

Он пришёл на следующий день. Стоял у калитки — по-

старевший, похудевший, с морщинами вокруг глаз, которых раньше не было. Но глаза — те же. Тёмные, внимательные, с тёплым дном, как у реки в конце лета. Лена вышла, и они стояли друг напротив друга несколько секунд молча, и в этом молчании было больше, чем в тысяче слов.

Они сели на скамейку во дворе. Лена рассказала всё. Про мужа, про детей, про измены, про то, как ушла. Про то, как молчала все эти годы. Что ей стыдно, что она предала их школьную любовь, что не дождалась, что вышла замуж, не предупредив. Что не знала, как сказать. Что до сих пор не знает.

Артём слушал молча. Не перебивал, не вздыхал, не отворачивался. Сидел, опустив голову, и слушал. Когда Лена закончила, он долго молчал. Потом поднял голову и сказал:

— Я всё это время ждал тебя. Мама умерла два года назад. Я остался один. Я ни с кем не встречался, потому что не мог. Всё время думал: приедет. Может, не сегодня, может, не завтра — но приедет.

Лена заплакала. Не от жалости к себе — от того, что он ждал. Что все эти годы, пока она молчала, он молчал тоже, но его молчание было другим — не из страха, а из веры. Он верил, что она вернётся. И она вернулась.

Они сидели на скамейке до темноты. Дети уже спали. Наталья Сергеевна выглянула в окно, увидела их, выключила свет на веранде. В темноте Лена положила голову ему на плечо — впервые за семь лет — и почувствовала, как что-то глу-

боко внутри, что было сжато и замёрзло, начало оттаивать.

Они начали встречаться. Тихо, осторожно, как люди, которые боятся спугнуть счастье. Он приходил вечером, помогал с детьми: играл с Максимом в мяч, катал Алису на спине. Дети приняли его легко, без вопросов — он был добрый, он приносил конфеты, он смеялся. Лена смотрела на них и чувствовала, что это правильно, что так и должно быть, что жизнь возвращается на свои рельсы.

И однажды вечером, когда Лена провожала его до калитки, они стояли в тени яблони — той самой, что росла у забора, — и Артём поцеловал её. Впервые за семь лет. И этот поцелуй был как возвращение домой после долгой дороги. Лена закрыла глаза и подумала: «Вот. Вот оно. То, что я искала. То, что потеряла. То, что нашла».

Второй шанс, которого не было

Сергей приехал через неделю. На хорошей машине, с букетом роз, с дорогим детским велосипедом для Максима и куклой для Алисы. Стоял у крыльца, и лицо его было не виноватое — скорее, решительное, как у человека, который пришёл забрать своё:

— Лена, поехали домой. Я дурак, я всё понял. Это больше не повторится. Клянусь.

Он говорил горячо, быстро, заглядывал в глаза. Дети обрадовались ему: Максим бросился к отцу, Алиса показывала куклу. Сергей поднял сына на руки, поцеловал дочь, улыбнулся Лене той улыбкой, от которой когда-то согласилась выйти замуж.

Лена не хотела ехать. Она стояла в дверях, прижав руку к груди, и говорила:

— Нет. Серёжа, нет. Я не поеду. Хватит. Я устала.

Сергей молчал, глядя на неё с обидой, с раздражением, с чем-то, что маскировалось под любовь. Потом сел в машину и уехал.

Но на следующий день приехала свекровь — не к Лене, а к Наталье Сергеевне. Приехала вся в слезах, с пирогом, с разговорами:

— Наташа, дай ей совет. Разрушать семью — последнее дело. Дети без отца — это трагедия. Серёжка оступился, кто

не оступается? Дай второй шанс. Попробуй ещё раз. Ради детей.

Наталья Сергеевна, которая сама прожила с мужем тридцать лет и пережила многое, слушала и кивала. Она не знала об Артёме — Лена ей не рассказала. Она думала, что дочь просто обиделась на мужа, как обижаются все жёны, и что это пройдёт.

Мама вызвала Лену на кухню, закрыла дверь и сказала: — Доченька, дай ему второй шанс. Все мы ошибаемся. А дети? Им отец нужен. Поезжай, попробуй. Не получится — вернёшься. Но хоть будешь знать, что всё сделала.

Лена стояла и молчала. Внутри всё сжималось и кричало «нет». Она знала, что это не изменится. Знала, что Сергей не исправится, что слова — это слова, а привычки — это привычки. Но мама смотрела строго и мягко одновременно, и за спиной мамы стояла вся их жизнь — маленький дом, огород, школьные годы, вера в то, что «семью нужно сохранять». И Артём... Она не могла рассказать маме про Артёма. Не сейчас. Не так.

Она поехала. Собрала вещи снова, поцеловала отца, села в машину к Сергею. Дети на заднем сиденье — Максим с велосипедом, Алиса с куклой. Лена смотрела в окно на удаляющееся село и думала: «Может, мама права. Может, попробую. Может, получится».

Не получилось. Измены не прекратились. Они стали осторожнее, тише, аккуратнее — но не исчезли. Сергей научился

скрывать лучше: стирать сообщения, принимать звонки на улице. Но Лена знала. Чувствовала. Не по фактам — по запаху, по настроению, по тому, как он отворачивался ночью, как стал чужим в их собственной постели.

Она терпела. Ради семьи. Ради детей. Ради того, чтобы не возвращаться к маме с признанием, что второй шанс не помог. Ради того, чтобы не смотреть Артёму в глаза и не говорить, что она опять выбрала не его.

Годы

Годы шли — медленно, вязко, как мёд по ложке. Максим и Алиса росли, учились, болели, смеялись, ссорились, мирились. Лена работала: сначала в магазине, потом бухгалтером в маленькой фирме. Сергей делал карьеру, зарабатывал, приносил деньги, пропадал на «встречах». Они жили как соседи — на одной территории, под одной крышей, но в разных мирах. Дети не видели, не понимали, не спрашивали. Для них это была нормальная семья: мама дома, папа на работе, выходные вместе, праздники вместе. Как у всех.

Артём писал редко. Он узнал, что Лена уехала к мужу, — узнал от соседей, не от неё. Не написал, не позвонил, не упрекнул. Просто исчез, как исчезают люди, которые не хотят мешать. Лена иногда набирала его номер — и стирала. Иногда писала сообщение — и стирала. Иногда доставала из шкафа старого медвежонка, который хранила все эти годы, и держала в руках, и думала.

Максим рос живым, подвижным, с тёмными глазами и широкой улыбкой. Он был похож на Сергея: тот же овал лица, тот же разрез глаз. Но характер — мягкий, вдумчивый, спокойный — был не отцовский. Алиса росла тихой, сероглазой, с упрямой складкой между бровей. Она была похожа на Лену — и внешне, и внутренне. Лена смотрела на них и не понимала, в кого Максим такой: не в Сергея, не в неё, не

в бабушек, не в дедушек. Не понимала и гнала эту мысль.

Школьные будни близнецов

Когда Максим пошёл в первый класс, он сразу стал тем самым ребёнком, про которого учителя говорят: «Тихий, но всё схватывает». В тетрадях у него всё было ровно: буквы, цифры, клеточки — будто по линейке. На уроке математики учительница Ольга Ивановна заметила, что он не считает на пальцах, а как будто видит ответ. Однажды она дала классу задачу: «У Пети было 7 яблок, он отдал 3. Сколько осталось?» Все дети начали загибать пальцы. Максим поднял руку и сказал:

— Четыре. Потому что 7 минус 3 — это как от семи шагов назад сделать три. Останется четыре шага.

Ольга Ивановна улыбнулась и поняла: перед ней не просто умный ребёнок, а тот, кто мыслит образами.

Алиса пошла в тот же год, но была полной противоположностью. Она всё делала быстро, местами небрежно, зато с душой. В диктанте могла перепутать буквы, но зато на перемене собирала вокруг себя весь класс и рассказывала истории так, что даже старшеклассники подходили послушать. Однажды учительница по природоведению дала задание нарисовать любимое растение. Максим нарисовал схему дерева: ствол, ветви, листья — подписал все части. Алиса нарисовала ромашку, но так, будто та улыбается, и подписала: «Она радуется, когда солнце светит». Учительница повесила оба

рисунка на доску и сказала:

— Вот два правильных ответа. Один — про науку, другой — про сердце.

Дома Лена и Сергей по-разному помогали им с уроками. С Максимом Сергей садился за стол и говорил:

— Давай не просто решим, а поймём, как это работает.

Они брали спички, палочки, камешки — всё, что попадалось под руку, — и раскладывали примеры. Максим любил, когда отец объяснял через «как в жизни»:

— Представь, у нас две машины. В каждой по три колеса. Сколько всего?

Максим тут же считал:

— Шесть! Потому что два раза по три.

Сергей кивал:

— Точно. Математика — это когда ты видишь мир и понимаешь, как он устроен.

С Алисой Лена действовала иначе. Она не заставляла её сидеть ровно и писать аккуратно. Вместо этого говорила:

— Сначала расскажи мне, что ты поняла. А потом мы сделаем так, чтобы учитель тоже понял.

Алиса начинала болтать, перемешивая факты и эмоции, но в этом потоке всегда была суть. Лена помогала ей её вытащить, оформить в предложения, а потом уже — в строчки тетради. Алиса вздыхала:

— Мам, зачем так сложно?

— Чтобы тебя слышали, — отвечала Лена.

И Алиса старалась.

Сергей учил Максима футболу по-своему: не гонять мяч, а чувствовать поле.

— Смотри, куда бегут другие, — говорил он. — Не туда, где мяч сейчас, а туда, где он будет.

Максим сначала не понимал, а потом вдруг начал пасовать так, что тренер удивлялся:

— Кто тебя этому научил?

Максим пожимал плечами:

— Папа.

Сходство

Максиму было восемь, когда Лена впервые увидела. Она увидела не сразу — так не сразу замечают, что дерево выросло: каждый день смотришь и не видишь, а потом случайно взглянешь — и вот оно уже выше крыши.

Максим стоял у зеркала, причёсывался перед школой. И Лена, проходя мимо, остановилась. Она увидела профиль сына: острый, с тонкой линией носа, с чуть вздёрнутой бровью, с ямкой на подбородке. Это был профиль Артёма. Не похожий — а именно его. Тот же разворот головы, та же посадка ушей, та же линия челюсти. Лена стояла в дверях и смотрела, и сердце её замерло, а потом забилося часто-часто, как у пойманной птицы.

Она вспомнила всё. Тот единственный вечер — перед тем как Сергей приехал забрать её, — вечер, когда Артём пришёл, и они сидели на скамейке до темноты, и потом она провожала его до калитки, и они стояли в тени яблони, и он поцеловал её — впервые за семь лет, — и этот поцелуй был как возвращение домой после долгой дороги. Тот вечер. Максим родился через девять месяцев после того вечера.

Лена закрыла глаза и медленно сосчитала до десяти. Потом до двадцати. Потом до тридцати. Потом открыла глаза и пошла на кухню делать завтрак. Ничего не сказала. Никому. Думала: может, совпадение. Может, кажется. Может, дети на

кого-то похожи.

Но с того дня она не могла не видеть. Каждый день — новая деталь. Максим хмурился так же, как Артём. Максим смеялся так же — с хрипотцой. Максим держал ручку так же, как Артём, с тем же наклоном. Это не было «немного похоже». Это была копия.

Лена молчала ещё два года.

Цена молчания

Жизнь с Сергеем после второго возвращения была как жизнь в тумане. Лена знала, что туман не рассеется, но шла вперёд, потому что идти назад — значит признать поражение. И она не хотела признавать. Не перед Сергеем — перед собой.

Они жили в съёмной квартире на окраине Ростова: две комнаты, маленькая кухня, балкон, выходящий на дорогу. Сергей зарабатывал неплохо — работал в строительной компании, занимался подрядами, контрактами, «проектами». Деньги были — на еду, на одежду, на игрушки. Но на главное — на тепло, на доверие, на присутствие — денег не было.

Сергею нравилось, что Лена дома. Он говорил коллегам: — Жена — домохозяйка, растит детей. Я — кормилец.

Ему нравилась эта роль — кормильца, хозяина, главы. Он не замечал, что Лена не домохозяйка, а узница. Что она не растит детей, а спасает их. Что каждый день — это день, который она переживает, а не живёт.

Утром Сергей уходил раньше детей, раньше Лены. Уходил рано, быстро, с телефоном в руке. Возвращался поздно — уставший, раздражённый, голодный. Ел, смотрел телевизор, засыпал. По выходным «отдыхал»: ездил с друзьями на рыбалку, в гараж, в бар. Дети были на периферии его жизни, как мебель: есть, ну и хорошо.

Лена с детьми была одна. Она отводила их в сад, потом шла на работу — в магазине, потом бухгалтером. После работы забирала, готовила, кормила, мыла, укладывала. Максим делал уроки, Алиса рисовала. Лена сидела на кухне и считала дни — до зарплаты, до выходных, до когда-нибудь свободы.

Максим в те годы был тихим и серьёзным — серьёзнее, чем бывают дети. Он не плакал, не жаловался, не спрашивал. Он видел, что матери тяжело, и старался помочь — по-своему, по-детски. Убирал игрушки, не шумел, когда мама отдыхала, приносил ей воду:

— Мам, попей, тебе лучше.

Лена гладила его по голове и думала: «Он как Артём. Тихий, сильный. В него».

Алиса была живее — бегала, прыгала, смеялась. Но и она чувствовала, что-то не так. Однажды спросила:

— Мам, а почему папа не играет с нами?

Лена ответила:

— Он устаёт на работе.

Алиса подумала и сказала:

— А ты тоже устаёшь. Но ты играешь.

Лена не нашлась, что ответить. Она обняла Алису и молчала.

Измены Сергея были разные — не всегда одинаковые. Иногда — коллеги по работе. Иногда — женщины из бара, куда он ходил «с друзьями». Иногда — чьи-то жёны, чьи-то

подруги. Лена не искала доказательств — доказательства сами находили её: чужая заколка в кармане, запах, который не её, сообщение на экране, когда он забыл телефон на столе. Она не читала — она видела. Боковым зрением, как видят то, что не хотят видеть.

Она не уходила, потому что боялась. Боялась, что не выживет одна. Боялась, что дети будут страдать. Боялась, что мама скажет «я же говорила». Боялась, что Артём уже не ждёт — и правильно делает. Боялась, что никто не ждёт, и некуда идти.

Но однажды — после очередной «командировки», после которой Сергей вернулся с чужим запахом и чужим номером в телефоне, — она поняла: если не уйдёт сейчас, не уйдёт никогда. И останется навсегда — в этом тумане, в этом молчании, в этой жизни, которая не жизнь.

Скандал

Сергей заметил позже, что дети не его. Он вообще мало замечал детей, занятый собой и своими делами. Однажды они всей семьёй смотрели фотографии. Лена доставала старый альбом — тот, что мама привезла ей, когда она вернулась в первый раз. Фотографии школьные: Лена и Артём у школы, Лена и Артём на турнике, Артём один — смеётся, с мячом.

Сергей смотрел. Потом перелистнул назад. Потом вперёд. Потом посмотрел на Максима, который сидел рядом и смотрел мультики. Потом снова на фотографию. И Лена увидела, как побелели его костяшки на альбоме.

— Кто это? — голос тихий, ровный, ледяной. — Это твой школьный друг?

— Да, — сказала Лена. — Артём. Мы вместе учились.

— А Максим на него похож, не находишь?

Молчание. Долгое, тяжёлое, как августовская жара, когда нет ветра.

— Лена. Это чей ребёнок?

Она молчала. Не потому, что не знала ответа, — потому что не знала, как его произнести. Потому что произнести — значит признать, что вся её жизнь с Сергеем была построенна на молчании. Что близнецы — не близнецы по отцу. Что Максим — не его сын.

— Серёжа, я...

Он не дал договорить. Вскочил, швырнул альбом на пол, фотографии рассыпались по ковру. Крик — громкий, злой, безобразный:

— Ты! Ты! Все эти годы! Ты мне врала! Дети — мои? Или его? Ты с ним спала, пока я на работе горбатился? Ты...

Слова, которые не стоит повторять. Дети выбежали из комнаты — Алиса в слезах, Максим с каменным лицом, побелевшим, как у отца.

Сергей выгнал их в тот же вечер. Буквально выставил чемоданы за дверь, сказал:

— Чтоб духу вашего здесь не было. Ты — к своей маме езжай. И сына своего и дочку — к отцу отправь.

Последние слова он выплюнул, как яд.

Лена не спорила. Не плакала. Собрала вещи, взяла детей за руки и ушла. Алиса всхлипывала, Максим молчал. В лифте Максим спросил тихо, без слёз:

— Мама, что случилось? Почему папа так сказал?

— Потом объясню, Максим. Потом. Не сейчас.

Первое возвращение домой

Поездка домой — из Ростова в село — заняла весь день. Маршрутка до райцентра, потом автобус до села. Дети уснули в автобусе: Максим на чемодане, Алиса на коленях у Лены. Лена смотрела в окно на поля, на подсолнухи, на дорогу, которая тянулась и тянулась, и думала: «Я возвращаюсь. Снова. Как в первый раз, только наоборот. Тогда уезжала. Теперь возвращаюсь. Только тогда было страшно от неизвестности, а теперь стыдно от известности».

Когда автобус остановился у клуба — у той самой остановки, где когда-то Артём провожал её, — Лена вышла и вдохнула. Воздух пах пылью, подсолнухами и чем-то ещё — тёплым, родным, знакомым. Дом пах. Село пах. Лена стояла с детьми и чемоданами, и слёзы текли, и она не вытирала.

Наталья Сергеевна вышла на крыльцо — не потому, что знала, а потому, что слышала. Она всегда слышала: когда кто-то приезжал, когда кто-то уходил. Она стояла на крыльце в фартуке, с мокрыми руками — видно, стирала, — и смотрела. Потом сказала:

— Ну, слава Богу. Идите в дом.

Обняла Лену крепко, молча. Обняла детей — каждого по очереди. Виктор Иванович вышел, взял чемоданы, нёс молча. В доме пахло хлебом и лавандой — Наталья Сергеевна всегда клала лаванду в шкаф.

Первые дни были как выздоровление после долгой болезни. Лена спала — много, долго, без снов. Дети бегали по двору, играли с курами, с котом, с Шариком, который ещё жил у родителей. Наталья Сергеевна готовила: борщи, пироги, блины. Виктор Иванович молча чинил всё, что мог: качели, велосипед, забор. Никто не спрашивал. Все ждали.

Тишина

Родители приняли. Молча, без вопросов. Наталья Сергеевна прижала дочь к себе и сказала:

— Дом твой. Дети — наши. Отдыхай.

Виктор Иванович молча перенёс чемоданы, постелил детям на раскладушке в зале, налил Лене чаю. Никто не спрашивал, что случилось. Все видели.

Лена сидела на кухне ночью, одна. Дети спали. За окном было темно, только фонарь на столбе мерцал, как больной глаз. Она думала об Артёме. О том, что должна ему рассказать. Что Максим и Алиса — его дети. Что все эти годы он жил, не зная, что у него ребёнок. Что этот ребёнок растёт с чужим мужчиной, который его выгнал. Что она виновата. Виновата перед всеми — перед Артёмом, перед Максимом, перед Алисой, перед Сергеем, перед собой.

Она не знала, как начать разговор. Не знала, что скажет. Не знала, что он ответит. Может, он разозлится. Может, не поверит. Может, скажет «зачем ты пришла» и закроет дверь. Она придумывала слова, фразы, вступления — и все казались неправильными, мелкими, недостаточными.

И пока она сидела и придумывала, жизнь сделала ход без неё.

Чужая свадьба

Подруги — те самые, которые всегда всё знают — приехали в гости через два дня. Валя и Тамара, школьные приятельницы, которые никуда не уехали, остались в селе, вышли замуж за тракториста и электрика, родили по двоих детей и знали о жизни села всё, вплоть до того, кто кому сколько должен.

Валя села за стол, посмотрела на Лену и сказала, как отрезала:

— А Артём-то наш вчера женился. На Вике. Вика Кузьмина, помнишь? Из параллельного класса. Она после развода вернулась, с дочкой. Артём с ней познакомился — то ли в магазине, то ли у Кольки. Поженились тихо, без шума.

Лена слушала и улыбалась. Не потому, что ей было смешно или радостно, — потому что, если не улыбаться, то придётся делать что-то другое, а другого она сделать не могла. Не могла кричать, плакать, бить посуду — дети были в соседней комнате, могли услышать. Поэтому она улыбалась и говорила:

— Ну и хорошо. Пусть женится. Я рада за него.

А внутри — обвал. Тихий, глухой, как сход снежной лавины, которую слышно за километры, но из-под которой не выбраться.

Подруги ушли. Лена закрыла дверь, прислонилась к ней

спиной и стояла так минут пять. Потом пошла в спальню, легла, отвернулась к стене. Наталья Сергеевна заглянула, увидела, тихо прикрыла дверь.

Она не спала всю ночь. Лежала, смотрела в стену и думала: опоздала. Опоздала на всю жизнь. Пока она терпела Сергея, пока давала вторые шансы, пока молчала и ждала — Артём не ждал. Он прожил двенадцать лет один после смерти матери и в конце концов нашёл кого-то. Не потому, что не любил, — потому что устал ждать. И это было правильно. Это было честно. А она... она опоздала.

Он пришёл

Артём пришёл на третий день. Просто появился у калитки в рубашке, которая была ему чуть велика, с пакетом яблок из сада. Он узнал от соседки, что Лена вернулась, — в селе новости расходятся быстрее интернета. Он не знал, что произошло, не знал про скандал, не знал, что Сергей выгнал её. Знал только, что она дома, и пришёл.

Лена открыла дверь и увидела его. Стоял, перебирая пакет в руках, и смотрел на неё внимательно, серьёзно, без улыбки.

— Я узнал, что ты приехала. Решил зайти. Можно?

— Можно. Заходи.

Они сели на кухне. Наталья Сергеевна поставила чайник, разлила чай, незаметно ушла. Дети были во дворе, играли с котом. Кухня пахла хлебом и яблоками.

Лена начала говорить. С самого начала: как поехала в Ростов одна, как встретила Сергея, как вышла замуж, не сказав Артёму. Про близнецов, про измены, про первый побег домой, про второй шанс, про годы молчания. Про Максима — как она заметила сходство, как Сергей увидел фотографию, как устроил скандал, как выгнал их. И про детей. Что Максим и Алиса — его дети.

Золотой вечер

Вечер, когда Лена рассказала Артёму про Максима и Алису, был тихим. За окном садилось солнце, и свет был золотой, густой, как мёд. Дети играли во дворе: Максим с котом, Алиса с Шариком. Кот мяукал, Шарик лаял, дети смеялись — всё как всегда. Но на кухне, за чашкой чая, мир был другим.

Лена начала говорить — и не могла остановиться. Слова шли, как вода через плотину: всё, что копилось годами, всё, что молчала, всё, чего боялась, — вылилось. Она говорила про Сергея, про измены, про близнецов, про молчание, про сходство, про скандал. Артём слушал, и лицо его менялось. Не гневом — пониманием. Он не перебивал, не задавал вопросов. Он просто слушал — как человек, который ждёт дождя и наконец его получает.

Когда Лена сказала: «Максим — твой сын, Алиса — твоя дочь», — Артём замер. Кружка в его руках дрогнула — чуть, еле заметно. Он посмотрел на Лену долго, внимательно, как смотрят на человека, которого не видели много лет и хотят запомнить. Потом поставил кружку, выдохнул и сказал:

— Я знал.

Лена подняла глаза:

— Что знал?

— Я не знал, что они мои. Но я знал, что они не Сергея.

Я видел их через забор, когда проходили мимо. Максим — как я. В точности. Я думал — совпадение. А в глубине — надеялся.

Лена заплакала. Артём не обнял её — не сразу. Он встал, подошёл к окну, посмотрел на Максима, который играл во дворе. Маленький, тёмноглазый, с ямкой на подбородке — его сын. Его кровь. Его — и он не знал десять лет. Десять лет, в которых — первые шаги, первые слова, первый класс, первые синяки, первые радости — всё, что отец должен видеть, и он не видел.

Он повернулся к Лене:

— Мне нужно с ними поговорить. Не сейчас. Когда пойму, что сказать. Но нужно.

Лена кивнула. Она не просила, не торопила. Она ждала. Она уже научилась ждать.

Артём поставил кружку, поднял глаза и сказал:

— Ты понимаешь, что у меня сын и дочь? Которых я не знал десять лет. Которого растил другой человек. Который не знает, кто я. Мне нужно с ним познакомиться. Мне нужно их увидеть.

Лена кивнула. Она ждала чего угодно — гнева, обвинений, разочарования. Но не этого. Не тихой, спокойной радости, которая была в его голосе. Он не упрекал. Он не спрашивал «почему ты молчала».

Артём посмотрел на неё и сказал:

— Лена, я только что женился. Два дня назад. Я не знаю,

как это... я не хочу тебя обманывать. Вику я знаю мало, мы вместе недавно. Но ты — ты всю жизнь в моём сердце. Ты это знаешь. Дай мне поговорить с ней. Дай мне разобраться. Я не хочу, чтобы кто-то страдал из-за нас. Я хочу всё сделать правильно. Хотя бы сейчас.

Наталья Сергеевна и Виктор Иванович

Наталья Сергеевна была женщиной сильной — не в смысле мышц, а в смысле характера. Она работала медсестрой сорок лет: принимала роды, лечила простуды, ставила уколы, перевязывала раны — и всё это с тихим достоинством, без жалоб, без хвастовства. В селе её уважали — не потому, что боялись, а потому, что знали: если беда — Наталья Сергеевна поможет. Днём и ночью, в снег и дождь она шла. У неё была старая медицинская сумка, потёртая, с крестом на боку, и в ней всё, что нужно: шприцы, бинты, лекарства, термометр. Эта сумка была её символом, как у рыцаря — меч.

Она любила дочь — сильно, тихо, по-матерински. Когда Лена уехала в Ростов, Наталья Сергеевна плакала, но не показала. Стояла на крыльце, махала рукой, улыбалась. А когда зашла в дом — села на стул и долго молчала. Виктор Иванович подошёл, положил руку на плечо:

— Нормально. Вернётся.

Она кивала, но знала: вернётся — не вернётся, это не от неё зависит.

Когда Лена вернулась в первый раз — с детьми, с разбитой жизнью — Наталья Сергеевна не стала спрашивать. Она просто открыла дверь, обняла дочь и сказала:

— Дом твой. Дети — наши. Отдыхай.

Она не знала про Артёма, не знала про близнецов и их разных отцов. Она знала одно: дочь вернулась, и её нужно принять. Не судить, не упрекать — принять.

Виктор Иванович был другим. Он был человеком дела, а не слов. Механизатор, работяга, руки золотые. Он говорил мало, но каждое слово было как гвоздь: вбил — и держится. Когда Лена вернулась, он перенёс чемоданы, постелил детям, налил чаю. Ничего не спросил. Через неделю, когда дети освоились, он взял Максима за руку, повёл во двор, показал свой гараж:

— Вот, смотри. Это нива. Это плуг. Это генератор. Если интересно — научу.

Максиму было четыре, он ничего не понял — но кивал и смотрел с открытым ртом. Виктор Иванович был доволен:

— Понятливый. В деда пойдёт.

Когда правда вышла — про Артёма, про Максима, про Сергея — Наталья Сергеевна молчала три дня. Потом позвала Лену на кухню, закрыла дверь и спросила:

— Почему ты мне не рассказала?

Лена опустила голову:

— Мам, я боялась. Боялась, что ты осудишь.

Наталья Сергеевна помолчала, потом сказала:

— Я не судья. Я — мать. Мать не судит. Мать — помогает. Но в следующий раз — говори. Что бы ни было — говори. Я выдержу.

Лена заплакала, и они обнялись, и с тех пор Лена рассказывала ей всё.

Виктор Иванович, когда узнал, сказал одну фразу:

— Артём — хороший мужик. Я всегда это знал.

И больше ничего. Он принял Артёма как зятя — без церемоний, без разговоров. Просто пожал руку, как мужик мужику, и всё. Артём это оценил — больше любых слов.

Разговор с Викой

Артём пришёл домой, где его ждала Вика. Маленькая, тихая, с русой косой и усталыми глазами разведённой женщины, которая поверила во второй шанс. Она поставила на стол ужин, села напротив, посмотрела и сказала:

— Ты ходил к ней.

Не вопрос — утверждение.

Артём не врал. Рассказал всё. Про Лену, про школьную любовь, про то, что уехал из-за матери, про то, что ждал все эти годы, что у него — сын, которого он не знал. Что он не хочет обманывать Вику, что уважает её, что благодарен за то, что она согласилась стать его женой. Но что Лена — это не прошлое, которое можно забыть. Это часть его, которую он не сможет отрезать.

Вика слушала. Она была женщиной неглупой, повидавшей жизнь: после первого мужа, который пил и поднимал руку, она научилась не ждать чудес. Она знала, что Артём не любил её — не так, как любят один раз на всю жизнь. Он был с ней, потому что устал быть один, потому что нужно было кому-то верить, потому что человек не может жить пустым. И теперь, когда вернулась та, ради кого его сердце билось все эти годы, Вика не стала держать. Не стала кричать, плакать, умолять. Она встала, подошла к нему, обняла и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.